

ЗИНАИДА ГИППИУС

БЕССЛОВЕСНАЯ

Зинаида Гиппиус

Бессловесная

«Public Domain»

1912

Гиппиус З. Н.

Бессловесная / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1912

«Не понимаю, как это случилось. Да, впрочем, что же случилось? Ничего: все дело в том и есть, что ничего не случилось, а вернее, случилось – ничего...»

© Гиппиус З. Н., 1912

© Public Domain, 1912

Содержание

I	5
II	6
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Бессловесная

I

Не понимаю, как это случилось.

Да, впрочем, что же случилось? Ничего: все дело в том и есть, что ничего не случилось, а вернее, случилось – ничего.

Мы с Лидусей никогда не ссорились. Ну, конечно, бывали размолвки, она раздражалась, но по пустякам. Думал я: много значила невозможность на ней жениться. Для женщины важно, для всякой, живет ли она в гражданском браке или законном. В законном браке у нее одна психология, в свободном – другая.

Лидуся не оставила своего мужа, он сам ее бросил. Был он плохой человек, и не любила она его, кажется, никогда.

Бросил, – она обрадовалась. Зажила приятно, тихо, – отдохнула. Средства у нее свои, хорошие. Мать – богатая, важная и злая старуха. Лидуся не поселилась с ней, а взяла квартиру рядом, на той же площадке. Перевезла туда свою голубовато-зеленую мебель (подарок матери), весело устроилась на свободе.

Я познакомился с ней через ее брата, харьковского профессора, которого знал давно. Он приехал в Петербург, лекцию какую-то читал, на этой лекции я увидел Лидусю в первый раз. Она мне понравилась не сразу; красивая, но условная какая-то красота. Голубые глаза, выпуклые и, когда молчит, – похожи на стеклянные. Но вскоре я ее полюбил, и полюбил по-настоящему, навсегда, как любят: неизвестно за что, а просто.

Мне далеко за тридцать, я читаю лекции по психологии на разных курсах, живу тихо и одиноко с Наташей, моей девочкой. Я женился случайно, неудачно. Жена через год умерла, оставила мне Наташу. Когда я полюбил Лидусю – Наташе было лет пять.

Женщина любит детей всегда после мужа, после любовника, значит – всегда через него. Совсем чужих детей женщины редко любят.

Лидуся была сдержанна, я не смел сказать, что люблю, и не знал, что думать, пока не увидел, что она привязалась к моей Наташе. Девочка некрасивая, неприветливая, а Лидуся приходила ко мне для нее, искренно заботилась о ней, играла с ней, целовала.

И тогда я сказал Лиде, что люблю. Объяснение вышло странное, точно не объяснение. Говорил ей, – помню, на извозчике, весенним вечером, – говорил о том, что нам надо вместе поехать попутешествовать, а потом она поселится у меня, будет жить со мной и с Наташей. От Наташи же в тот вечер я и провожал ее домой.

Еще сказал, что следует потребовать у мужа развод.

– Он не даст, я знаю, ни за что не даст, – прошептала Лидуся едва слышно.

Это были единственные слова, которые она тогда мне сказала. Но все ясно было; ясно, что она со мной, моя. Моя и Наташина.

II

Муж, действительно, развода ей так и не дал. С матерью Лиды мы не поладили. То есть она восстала против меня, видеть меня даже не захотела и с дочерью, которая все-таки ездила к ней, никогда обо мне не разговаривала.

Было неприятно, что она квартиру Лидину оставила за собой и потребовала, чтобы Лида ничего там не трогала. «Пусть стоит». Точно Лида в гости ко мне переехала. Лида поплакала, – не оттого, что мне это было неприятно, – а жалела мебель и все, что с любовью устраивала, к чему привыкла. Однако покорилась.

Мы зажили у меня, на Васильевском острове. У меня хорошо, просторно, я предлагал Лиде все по ее вкусу, советовался с ней; но она отнеслась как-то безучастно: «не надо, все равно, пусть остается, хорошо».

Я все-таки устроил ей милый уголок в большой комнате, рядом с моей спальней. Кстати же, моя спальня была так мала, что в ней не поместились бы две кровати.

Но у Лидуси – вечный беспорядок, и не сидела она в своей комнате: либо в гостиной, либо у Наташи. Первые годы любила бывать у меня в кабинете.

Наташа к ней привязалась не сильно; девочка она была всегда сдержанной. Звала не мамой, как я сначала хотел, а тетей Лидой.

Что ж, мы сначала жили очень хорошо. Уединенно. Я не любил общества, а Лида не сошлась даже и с теми товарищами моими, которые у меня бывали. Избегала их. Я ходил к некоторым один, но редко. Лида ездила к матери, и я даже рад был: нельзя же все дома сидеть.

Нисколько не интересовалась Лида и моим делом, моими лекциями и работами. Сначала меня это пугало, а потом – понравилось. В самом деле, – зачем? Это ведь мое, мне одному нужно, всегда со мной; даже надоело, – от него-то и спастись – с Лидой. Вообще, я никогда не знал, что мне нравится, что не нравится в Лидусе. Например, ее не то скрытность, не то сдержанность в словах. Она не молчалива, совсем нет! Но я стал замечать, что, когда мы беседуем, – говорю, собственно, я, а она только нежно шутит, отвечает не прямо, а так, около; выходит и мило, и весело, но я никогда не знаю, что она думает.

Я говорил много о себе, о моей любви к ней, о ней самой, как вижу ее: смеется, шутит; может быть – согласна, может быть – нет... На вечный вопрос, который вечно на устах всех влюбленных:

– А ты любишь? Любишь меня?

И на него никогда она не отвечала прямым словом. Нежно смеется, нежно глядит в глаза:

– Люблю? Да нисколько! Вот выдумал! Терпеть не могу! О себе, о том, как она жила до меня, тоже не рассказывала.

Странно подумать, но я ровно ничего не знал ни о ее муже, ни о том, как она жила с ним, как разошлась. Все, что знал, – смутно слышал от других. Как-то, в кабинете, у камина, в один из самых наших близких, хороших вечеров, я ее стал спрашивать; открытости какой-то хотелось, еще большей близости.

Лидуся долго отшучивалась, потом, не переставая улыбаться, сказала:

– Да я не знаю, Ники; я не помню. Было просто. У меня всегда просто.

– Что же просто?

– Все просто. Вот я теперь с тобой, это тоже просто. Ты меня любишь, я тебя целую, потому что нам так хочется, потому что надо целоваться, когда влюблены. Разве это не просто?

Должен был сознаться, что просто, хотя и видел, что она уже опять куда-то свела разговор в сторону. Сказал невольно:

– Ну, теперь ты со мной... Любишь. А потом разлюбишь? Вышло очень глупо, но она проговорила с невинностью:

– Разлюблю? Почему бы мне перестать тебя любить? Нет, я всегда буду... всегда буду хорошо к тебе относиться...

Привыкнув к ее малословию и сдержанности, я и от этого уже был в восторге; в первый раз сказала, что не разлюбит, чего же еще!

Это Лидусино малословие, которое меня огорчало, стало мне нравиться. То есть я понял, что оно мне всегда в ней нравилось. Заставляло ценить редкие ее обмолвки и делало ее всегда загадочной, неизвестной, хотя она и говорила о своей простоте. Я понимал, что не понимаю ее, и мне это нравилось. Я, впрочем, ее любил; оттого все и нравилось.

III

Пять лет прошло. Целых пять лет. Наши отношения изменялись непрерывно, не останавливаясь, текли, как протекает вода в реке. Не слишком тиха была река: я не видел изменений. То есть мог не видеть при желании.

Время любовничества прошло, мы стали спокойны. Нежность моя к Лиде как будто возросла. Я любил в ней жену. Своего, навеки близкого человека; а она... вот об этом-то я больше всего избегал думать, но порою невольно думалось, – она так и осталась немножко «гостьей» у меня, в моей квартире, которую не любила, о которой не заботилась. Ко мне привыкла, нежно заботилась о моем здоровье, ухаживала, когда я был нездоров, – но и это делала как-то неуловимо-странно, скорее как сестра, – не как жена. Была у меня, со мной, – и ни капельки не у себя.

«Она уж такая, – думал я. – Она не мать, по природе не жена, ну и не хозяйка – нигде». Однако, ведь я помнил: в своей голубой квартире, прежде, давно, она была чуть-чуть другая, – именно у себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.